

ПОЛИФОНΙΑ ІДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКОЙ И МОТИВНО-ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ М. ШИШКИНА И В. ШАРОВА)

Н. Б. Король

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь

Статья посвящена анализу идейно-тематической и мотивно-образной системы романов М. Шишкина «Письмовник» и В. Шарова «Возвращение в Египет» с точки зрения полифонического видения художественной реальности. Рассматривается концептуальное составляющее обоих произведений, способы диалогизации идейного поля текстов, а также пути отражения авторской точки зрения в диегетическом пространстве романов. На основе анализа художественных текстов делается вывод о том, что за тематической несхожестью анализируемых произведений стоит общность идейной структуры, характеризующаяся ризоматической множественностью образов, мотивов и символов, которые так или иначе смыкаются в одной точке. Концептуальное пространство романа М. Шишкина «Письмовник» организовано посредством диалога между идеями естественного и словесного воскрешения, воплощающимися в полярно расположенных, эксплицитно не связанных образах и мотивах. На основе сравнения с романом М. Шишкина подчеркивается принципиальная значимость идейного многоголосия в романе В. Шарова «Возвращение в Египет», в котором репрезентация точек зрения героев видится основной интенцией автора. Делается вывод о том, что идейная полифония на современном этапе развивается в тесной связи с монологическим видением.

Ключевые слова: полифония, точка зрения, постмодернизм, идейная структура, мотив, образ, М. Шишкин, В. Шаров.

Введение

Современное литературное пространство характеризуется понятием эклектичности: постмодернистским текстам свойственно жанровое, стилевое и идейное смешение. Отсюда возобновившийся интерес научного сообщества к понятию полифонического текста (М. М. Бахтин). Произведения М. Шишкина и В. Шарова, отличающиеся совмещением нескольких жанров, объемным интертекстуальным пластом и диалогизацией идейной составляющей, видятся наиболее яркими репрезентантами современного состояния полифонии. Исследуемое явление, функционирующее на всех уровнях текста, наиболее активно именно в идейной системе, с классической (бахтинской) точки зрения отличающейся отсутствием центральной истины, с перспективы которой оцениваются мировоззренческие позиции героев.

Соответственно, объект исследования – феномен полифонии в творчестве авторов XXI в. Предмет – идейно-тематическая и мотивно-образная полифония в произведениях М. Шишкина и В. Шарова. Материалами исследования стали романы М. Шишкина «Письмовник» и В. Шарова «Возвращение в Египет». Целью данной статьи является подробный анализ идейно-тематического и мотивно-образного поля обоих романов с точки зрения развития теории полифонии.

Обзор литературы

Основой полифонической организации текста М. М. Бахтин видит непрерывное взаимодействие полнозначных идей, которые и становятся «предметом художественного изображения». При этом

идея может функционировать сугубо во взаимодействии с чужими точками зрения, так как идея «...интериндивидуальна и интересубъективна, сфера ее бытия не индивидуальное сознание, а диалогическое общение между сознаниями» [1, с. 99]. О. С. Иванова, исследуя полифонию в произведениях XXI века, отмечает, что полифония – «...это та общая ситуация, в которую попадают различные по содержанию смыслы» [2, с. 109]. Художественный текст предстает как «...сложная структура взаимопересекающихся подструктур с многократными вхождениями одного и того же элемента в различные конструктивные контексты» [2, с. 110].

При этом данные элементы эксплицитно могут быть не связаны, функционируя как интегрированная система со своими внутренними законами упорядоченности и семантической наполненности. Современные исследователи полифонии идут по пути уникализации: анализируется не полифоническое целое, а те или иные уровни текста, отражающие полифонические принципы. Так, ученые выделяют такие типы, как структурно-тематическая полифония (Г. Б. Буянова), жанровая (Д. К. Карслиева, Н. Е. Титкова), композиционная (О. А. Харитонов, Н. Р. Уваров), сюжетная (О. В. Барский, Ю. Н. Чумаков), повествовательная (П. А. Колобаев, О. И. Осипова).

Методы исследования

В процессе исследования был задействован структурный метод в целях составления наиболее полной картины идейно-тематической и мотивно-образной парадигмы романов, методы мотивного, интертекстуального и герменевтического анализа.

Результаты и дискуссия

Интегральной темой творчества М. Шишкина является осмысление физической смертности человека с точки зрения попыток ее преодоления. Понимание вечности у Шишкина на раннем этапе развития его творчества концентрировалось в онтологической природе текста, тогда как в более поздних произведениях вокруг темы бессмертия парадигмально смыкаются идеи распада времени, бессмертия в Слове, любви и деторождения. Шишкин, совмещая своим творчеством реализм и постмодернизм, путем языковой игры создает по-реалистически обобщенный текст. Концептуальная и идейная основа текстов Владимира Шарова значительно отличается от тематического поля романов М. Шишкина: Шаров, по образованию историк-медиевист, обращается в своем творчестве к культурному и историческому наследию России. Как отмечает В. Ю. Баль, «...все романное творчество Шарова формирует своеобразный единый текст» [3, с. 43], направлено на осмысление исторического пути русской нации и связанных с ней историософских проблем.

За тематическим несходством творчества исследуемых писателей стоит общность идейной структуры, заключающаяся в разветвленности мотивно-образной системы, элементы которой сходятся в единой точке. Несмотря на общую «фантасмагоричность» повествования, философские концепции обоих писателей ярко прослеживаются в деталях мотивной и нарративной системы, объединяя и обуславливая структуру всего текста. Соответственно, цель нашего исследования – проанализировав принципиально разные идейно-тематические системы, продемонстрировать схожесть их структуры, базирующейся на полифоническом видении.

Так, в связи с магистральной темой романа М. Шишкина в «Письмовнике» одним из наиболее активных является лейтмотив смерти. Основной нарратив произведения – переписка между двумя влюбленными: героиней Сашей, живущей в конце XX в., и Володей, участвующем в войне против Китая на рубеже XIX–XX вв. (т. е. писатель отказывается от нулевой фокализации). Главный герой на момент переписки уже мертв, что осознается и Сашей; при этом переписка продолжается, а перед читателем открывается не только история главной героини, но и быт Володи на войне, перманентно находящегося рядом со смертью, предчувствующего ее и живущего в попытке примириться со скорым концом. Война, символ всеобщего разрушения, хаоса и преждевременного ухода, в роман вводится автором как концентрация и апогей лейтмотива смерти.

От рака умирает мать Саши, в связи с чем в романе детально описываются этапы принятия человеком своего скорого конца. От страха и отчаяния мать Саши приходит к «покою и покорно-

сти», а смерть начинает видеть как долгожданное избавление от боли: «Мама все чаще шептала: “Скорее бы”» [4, с. 316]. После ее смерти Саша «впервые за много месяцев» видит лицо мамы «спокойным и умиротворенным». Отец героини, несчастливый при жизни, в гробу «лежит спокойно, сложив руки, как пайныка», а «когда закрывали крышку гроба» Саша видела, как «папа улыбнулся» [4, с. 349]. Соответственно, лейтмотив смерти, в своем инварианте трагический, с идейным развитием героев теряет негативную коннотацию, становится символом умиротворения и физического спокойствия.

Отражением лейтмотива смерти в романе являются образы-символы холода, снега и зимы. Главная героиня, узнав о смерти Володи, пишет: «Я в гробу замерзла, ноги – ледышки. ... Двор заморожен. Деревья в инее» [4, с. 104]. Когда Саша теряет Соню, художника, отца и мать, ее одиночество концентрируется в описываемом образе: «Завтракать села перед снегопадом. <...> Чай в стакане от законной зимы как-то особенно рдеет. И вообще снегопад превращает все в одно целое» [4, с. 366]. Образ зимы в романе «Письмовник» видится трагичным в связи с одиночеством, а противостоянием «зиме» (то есть смерти) становятся человеческие взаимоотношения, отсюда и желание Саши «вылепить» себе вечность и спастись от одиночества: «Решила – слеплю себе девочку. Будет у меня дочка» [4, с. 370]. Появление ребенка у Саши связано с образом снега, символом конечного, так как новая жизнь приходит из земного, плотского и несовершенного.

Одним из ведущих лейтмотивов в романе Шишкина становится лейтмотив воскрешения, связанный с перепиской главных героев. Посланные давно умершим Володей письма, пересекая время и пространство, становятся доказательством его существования. По ходу повествования главная героиня Саша также проходит несколько символических «смертей» и «воскрешений»: смерть Володи ведет за собой внутреннее, духовное небытие, обесценивающее реальность; выкидыш также оставляет Сашу «пустой» и, с ее точки зрения, бесполезной; расставание с художником и потеря Сонечки усугубляют ситуацию. Наиболее ярким и значимым событием, вернувшем Саше непрерывность человеческого бытия, становится возможность иметь дочь.

Отражением мотива бессмертия в романе «Письмовник» являются многочисленные библейские образы и символы: несмотря на то что понимание автором онтологичности Слова выходит за рамки сугубо религиозного контекста, в художественном мире произведения библейский текст остается значимым как концентрация идеи вечности и повторяемости. Так, начинается роман со следующей фразы: «Открываю вчерашнюю “Вечорку”, а там про нас с тобой. Пишут, что

в начале снова будет слово» [4, с. 5]. Представленное вступление отсылает нас не только к библейской версии сотворения мира, но и к идее онтологичности Текста. Ярko выраженной библейской аллюзией является разговор Саши с «пучком ржавой колючки», который «горит, как куст». Закономерно здесь провести параллель с Неопалимой купиной, несгорающим терновым кустом, в котором Бог явился Моисею. Помимо этого, Неопалимая купина – «...один из ветхозаветных образов, указывающих на Богородицу» [5, с. 295], а образ Богородицы является определяющим в художественном мире романов Шишкина, для которого рождение новой жизни есть бессмертие.

При этом в романе реализуется и мотив воскрешения Словом, функционирование которого позволяет говорить о диалогической структуре исследуемого текста: названные идейные позиции противопоставлены друг другу по принципу «естественности» и «искусственности». Текст становится реальностью, единственно возможной и вечной, а для Володи – еще и свидетельством продолжения жизни. С точки зрения героя, Бог мог быть таким же реальным смертным человеком, но написал когда-то: «В начале было Слово». В связи с этим «...его слова остались, а он – в них, они стали его телом. И это единственное реальное бессмертие» [4, с. 199].

Еще одной функцией слов в художественном мире Шишкина является связь разорванного времени или связь распада времен: «У времени есть одна особенность: оно рано или поздно рвется. <...> Вроде бы надежное превращается в труху» [6]. Данную концепцию можно понимать с двух точек зрения: во-первых, это трактовка «распада времен» сквозь призму закреплённости в сознании общества шекспировской цитаты, во-вторых, это понимание данной концепции с перспективы постмодернистского видения истории. Цитата Гамлета из одноименной пьесы У. Шекспира функционирует как иносказательное выражение, обозначающее «...катаклизм, обрыв традиций в области морали, социального поведения» [7]. В романах Шишкина таким резким переломом, стирающим границы традиционно морального, является война и ее последствия.

Помимо этого, значительную роль в понимании концепции «распада» играет и философский контекст, связанный с постмодернистским восприятием истории, базирующимся на «становлении настоящего». С данной точки зрения, «...в прошлом истории есть только нагромождение фактов, а в будущем не будет ничего нового, чего не было бы в прошлом» [8]. Как таковых причинно-следственных связей между событиями нет, поэтому «...история ломается, рвется, течет не связанными друг с другом рукавами, насыщена индивидуальными агентами» [8]. В романах Шишкина описанная концепция демонстрируется путем

смешения прошлого, настоящего и будущего: в «прорехи» времени попадают древние цивилизации, войны вековой давности, реальные исторические личности и мифологические персонажи, а единственным связующим их звеном и является Текст.

Однако концепция воскрешающей силы Текста проходит эволюцию в творчестве автора. Развитие мысли Шишкина, в традициях полифонического романа, воплощается в полемике, или диалоге, между двумя явлениями: отражением бытийного в виде слова и самим бытием в виде того, что это слово обозначает. В «Письмовнике» поднимается вопрос о необходимости *Другого* в Словах, любви и осознании себя: «Они все хотят мне объяснить, что для любви другой не нужен. Мол, еще Платон говорил: любовь присутствует в любящем, не в любимом» [4, с. 92]. По мнению Е. В. Макеенко, «...спор о платоновской концепции любви – это, несомненно, спор о коммуникации», который поднимает вопрос о необходимости *Другого* как условия диалога: на уровне создания текста «...достаточно его [*Другого*] фиктивного присутствия», тогда как на уровне актуализации текста «...*Другой* оказывается необходимым условием его существования» [9, с. 176].

Здесь же и обнаруживается парадоксальность романа «Письмовник»: без адресата («получателя») любви или тех же Слов Саша чувствует «пустоту» своего существования, ведь именно Слова делают возможной несбыточную любовь между живущими в разное время людьми. Однако слова оказываются беспомощными перед смертью: «Златоусты с их упованием на продление себя во времени – это такие же глупые начитанные мальчишки, как я, пытающиеся всю свою жизнь заговорить витиеватыми разговорами смерть, а она в конце концов, не дослушав, все равно хлопнет их по ушам» [4, с. 201]. Отсюда и возникает образ «вести и вестника», который раскрывается через идею рождения и смерти как вечного и сакрального круговорота жизни: «Вот семена травы у тебя на носках. Это ведь тоже вестник и весть» [4, с. 92]. Человек, рождаясь от другого человека, приходит в этот мир как весть, и, оставляя «семена» в виде потомков, «уходит» как вестник.

В связи с этим закономерно появление в тексте той натуралистичности, с которой описываются тела, половые акты и мимолетные процессы (запахи, звуки, тактильные ощущения). Частью реальной жизни, естественного течения бытия и необходимой для этого сменяемости поколений является смерть, которая с данной точки зрения перестает быть пугающим концом, а видится неотъемлемой частью всеобщего бессмертия. Таким образом, в романе Шишкина смерть, как и любовь, становится трансгрессивным актом, точкой перехода между двумя тесно связанными мирами.

Подобная ризоматическая организация мотивно-образной системы характерна и для романа В. Шарова «Возвращение в Египет», полифонические принципы в котором, по сравнению с текстом М. Шишкина, получают большее развитие. Одной из главных функций литературы Шаров видит возможность «...реконструировать, как люди жили и понимали жизнь» [10], что принципиально важно в контексте полифонического типа повествования. Сам писатель отмечает, что его интерес сосредоточен на конкретном человеке и его роли в жизни: «Что же касается моего отношения к людям, о которых я пишу, ко всем ним я отношусь с сочувствием. <...> К странам, народам, организациям я куда более равнодушен» [11]. Соответственно, идейный интерес к пути русского народа, его роли во втором пришествии, религиозной избранности и т. д. – это, скорее, «самостоятельная» инициатива героев Шарова, которые живут в поисках верных шагов ко всеобщему спасению, в то время как писатель заинтересован, в первую очередь, в самих этих героях и в понимании ими религиозных и историософских проблем. Акцент с идейной и мировоззренческой позиции писателя переносится, таким образом, на понимание жизни его персонажами, которые зачастую противоречат автору.

Герои романа, решая проблему спасения русской нации, ориентируются на ветхозаветную книгу Исхода, а также на гоголевскую традицию, в связи с чем в идейную структуру произведения включается широкий интертекстуальный пласт. Написанный в эпистолярной форме, роман демонстрирует историю рода Гоголей, взявших на себя роль закончить «Мертвые души». Философская концепция героев во многом основана на учении Н. Ф. Федорова, которое является фундаментом других идей в романе, порождающих трагическое несоответствие утопических идей реальности и полифоническое множество высказываний по поводу судьбы русского народа. По мнению Федорова, «Бог создал мир, силы природы, создал и человека, существо разумное, одаренное сознанием, а потому и способное управлять созданною Богом силой» [12, с. 3]. Мысли о путях к спасению, к Небесному Иерусалиму персонажи черпают из идеи всемогущества человека, способного своими руками построить Рай на Земле: «Небесный Иерусалим еще только предстоит возвести, и строить его человек будет сам, своими руками, своим потом и кровью» [13, с. 280]. Данная идея становится и основным двигателем диалога, полифонической дискуссии между противниками и защитниками описанной концепции.

Один из ведущих лейтмотивов романа – это лейтмотив отцов и детей, возникающий как прямая рефлексия героев на федоровскую концепцию и демонстрирующий связь между историей рода и национальной историей. В тексте Шарова отраже-

на как классическая версия данного лейтмотива (преодоление разрыва между старшим и младшим поколениями), так и авторская, интерпретирующая отцовство как «учительство». По мнению героев, есть два типа размножения – физическое и духовное: к первому относится кровное родство, а ко второму – идейное. Так, старообрядцы Преображенского согласия сознательно отказывались от греха зачатия, при этом «...на место погибшего в схватке с антихристом становились новообращенные», «...это было другое – не биологическое <...> продолжение рода» [13, с. 555].

Здесь же возникает двойственность самого явления наставничества, его искусственность по отношению к природному ходу вещей. Две данные позиции находятся в непрерывном диалоге: с одной стороны, ученики – это дорога идеи и ее создателя в вечность, с другой – слепое следование, сопровождаемое отказом от собственной индивидуальности и своего прошлого. Единственный персонаж романа, словесно поддерживающий идейное родство, – дядя Святослав, последовательный «ученик» коммунистической идеологии, почитающий Ленина за нового Христа. По мнению героя, кровное отцовство – это «плотский, греховный» способ появления детей на свет, «...другой путь – ученики. Здесь много духовности, чистоты» [13, с. 257].

Шаров следующим образом характеризует время, о котором пишет: «Мне самому русский XX век видится равно трагическим <...> и безумным» [11]. С точки зрения христианства, гуманности и любви к человеку советская система кажется абсолютным абсурдом, гротескным образом, а не реальным положением вещей. Поэтому в романах Шарова одним из ведущих принципов изображения данного временного промежутка становятся карнавализация и ирония, демонстрирующие всю бессмысленность существующей системы. М. М. Бахтин, описывая средневековые традиции карнавала, отмечает, что он находится на пересечении «...искусства и самой жизни», так как «...карнавал не созерцают, в нем живут, и живут все, потому что по идее своей он всенароден. Пока карнавал совершается, ни для кого нет другой жизни, кроме карнавальная» [14, с. 12]. И если для Бахтина главным принципом такой жизни становится «карнавальная свобода», то у Шарова люди показаны заложниками этой театрально-зрелищной формы.

Один из персонажей, Дядя Ференц, называет революцию «марксистско-пролетарским маскарадом» и уточняет: «Революция – вещь сложная, отчасти и карнавальная» [13, с. 289]. Век карнавала и безумия, когда человек ничего не стоит, закономерно порождает мотив мученичества, жертвенных смертей. А. И. Пантюхина определяет сюжет романа «Воскрешение Лазаря» как «калейдоскоп историй», который «...превращается в исто-

рию страданий, мучений русских людей в XX веке и в попытку осмысления причин и целей этих страданий» [15, с. 148]. Здесь стоит разделить миф о мученичестве, создаваемый самими героями внутри художественного мира, и мученичество религиозное. С точки зрения христианской традиции мученик обладает высшим знанием, его жизнь – «ежедневное, ежечасное свидетельство о Христе», он не подвержен сомнениям в собственной выносливости и не сбивается на пути к Богу. При этом, по мнению А. Л. Дворкина, человек не может самостоятельно создать вокруг себя ситуацию мученичества, так как «...это провокация и делающий это человек должен считаться просто самоубийцей, а не мучеником» [16].

Поэтому герои романа делают попытку мифологизации смертей репрессированных, пытаются найти сакральный смысл в напрасно пролитой крови, так как мысль о бесцельности происходящего вселяет в персонажей ужас. Дядя Святослав пишет: «Богатство церкви – ее мученики, у Рима их было больше, чем у Москвы, отчего наша вера терпела урон. Сталин это исправил» [13, с. 142]. Однако персонажи романа не готовы к мученичеству, их страдания – суть карнавальная вседозволенность власти, а не свидетельство божественного присутствия.

Будучи глубоко религиозными людьми, герои смотрят на жизнь сквозь призму христианства, трактуя историю через книгу Исхода. Вокруг указанного смыслового центра рождается множество идей и концепций, которые персонажи накладывают на происходящее в стране, причем идеи эти находятся в перманентном диалоге, так как обсуждаются посредством письма. Шаров, отстраняясь от собственного текста, действительно превращает его в «роман идей», где мировоззренческие концепции занимают ведущую роль и существуют самостоятельно. Истинность или ложность функционирующих концепций для Шарова не имеет значения, так как целью писателя (в духе бахтинской традиции) является бесстрастная демонстрация того, как люди понимали мир, как идея жила в них и развивалась.

Центральный герой повествования – Николай Гоголь младший – по настоянию матери и других членов «клана Гоголей» делает попытки дописать второй и третий том «Мертвых душ». Обусловлено такое стремление верой в мессианскую роль Гоголя, его пророческий дар, а также пониманием поэмы как инструкции к пути в Небесный Иерусалим для русского народа. Поэма «Мертвые души», по всеобщему признанию, должна была иметь трехчастную структуру с отсылкой на дантовскую «Божественную комедию»: первый том – ад, второй – чистилище, третий – рай. Именно чистилище и рай предстояло написать Коле Гоголю, то есть найти универсальный путь к спасению и вывести избранный народ из пустыни.

Спасение рассматривается персонажами в тесной связи с советской властью: одни герои видят в ней дорогу к Новому Иерусалиму, другие, наоборот, – в Египет. Такое разное понимание одного и того же явления в романе воплощается в образе палиндрома: один из корреспондентов Коли, Исакиев, получил десять лет лагерей за палиндромную пьесу Потоп: в ней партия усмотрела попытку «...убедить наших людей, что ход истории обратим» [13, с. 178]. Однако понимание Исакиевым и другими персонажами палиндрома базируется на тесной связи добра и зла: «Как и Сергей, она [мама] много думала о необходимости Иуды для Христа» [13, с. 401].

Основная концепция, на которой основаны все остальные мысли о спасении, – идея богоизбранности русского народа – также функционирует в диалоге со своей обратной стороной. Разъясняя историю раскола русской православной церкви через библейский Исход, герои приходят к выводу о том, что староверы, или раскольники, в связи со сложившейся ситуацией гонения со стороны монархии повторили судьбу евреев, а значит, являются избранным народом. При этом и идея избранности не остается статичной: колеблющиеся персонажи находят и в прописной для них истине опору для сомнений. Дядя Юрий озвучивает две основные точки зрения: «Одни говорят, что раз Земля наша – Земля Обетованная <...>, значит, что бы мы ни делали, все угодно Богу. Другие – что мы избраны лишь потому и пока делаем удобное Богу» [13, с. 320]. Наличие второй позиции предполагает, что любое неверное решение в пути «новых» евреев может отдалить их от Господа. Герои романа действительно тяготеют к самопровозглашенным истинам: Николай Гоголь, будучи бесталанным в области художественной литературы, берет на себя роль пророка.

Центральный персонаж в начале своего духовного пути пытается представить кровь, пролитую во время Гражданской войны, как необходимую жертву, поэтому подчеркивает взаимосвязь революции и религии. Чичиков в Колиной версии «Мертвых душ» занимается махинациями не из корыстных целей, а для того, чтобы поселить уже мертвых крестьян в самодельном земном раю. Чичиков становится старообрядцем, представителем избранного народа, Моисеем, который должен вывести евреев из рабства. Злом здесь является монархия, поддерживавшая нововведения Никона и изгнавшая старообрядцев из страны. Именно здесь Гоголь младший находит связующее звено: и народники, и раскольники видели причину страданий в монархии. Революцию персонаж называет «узким горлышком», через которое будет дано пройти не каждому.

Епископ Чичиков, благословляя народников как спасителей, дает христианское разрешение на убийства в будущем, что очевидно противоре-

чит религиозным догмам и рождает сомнения: «Ему до сих пор тяжело принять, что для Всевышнего готовность как мелкобуржуазный пережиток отбросить и самого антихриста <...> однажды оказалась даже важнее веры» [13, с. 279]. При этом Гоголь младший, вслед за своим героем, соглашается с Чернышевским: «Небесный Иерусалим еще только предстоит возвести, и строить его человек будет сам, своими руками, своим потом и кровью» [13, с. 280]. Отсюда в романе активно обсуждается теория эволюции вещей: «Сейчас человек по собственному произволу из всего сотворенного Господом оставляет жизнь лишь тому, кто ему нужен» [13, с. 183]. По сути, та же концепция лежит в основе идеи рода Гоголей о том, что они смогут своими силами найти спасение человечеству. Образ Вавилонской башни трансформируется в доказательство человеческой силы, неостановимости народа перед религиозными законами.

Наиболее последовательным сторонником революции в романе является дядя Святослав, который, в отличие от других героев, не только ни разу не отступает от своей точки зрения, но и развивает идею связи религии и коммунизма, доводя их до пика. Так, он считает, что именно Ленин выстроил все необходимое для всеобщего спасения: «То, в чем ты – маленькая песчинка, не волен, следовательно, не можешь нести ответственности. Доказав, что в ответе один Господь, Ильич призвал разрушить мир страданий» [13, с. 544]. Персонаж поддерживает все оправдания крови, какие слышит от своих многочисленных родственников, буквально видит в Ленине нового Христа и наделяет сакральным смыслом каждый новый шаг советской власти. Святослав считает единственно возможным рай рукотворный; именно в его представлении Вавилонская башня становится символом могущества человека: «Вавилонская башня – не мост ли к Богу, не лестница ли для всех тех, кто помнил о Нем, но был Им забыт?» [13, с. 545].

Идеология бегунов также сталкивается с советской властью, что, в свою очередь, порождает еще большее многоголосие. Рассказывая о страшных репрессиях, Коля цитирует Капралова: «Кормчий не раз говорил, что только в чекистах да в юродивых он встречал понимание вездесущности зла» [13, с. 46]. Через точку зрения бегунской секты герои находят оправдание и революции, в частности, дядя Ференц считает, что «...сейчас впервые за века – время преобладания (численное и идейное) бегунов над оседлыми» [13, с. 622]. В противовес этому Коля отмечает, ссылаясь на Кормчего: «Сталина <...> Капралов считает за еретика, родоначальника злостного искажения бегунства. Странничество – твой добровольный выбор, иначе в нем нет ни правды, ни спасения» [13, с. 623]. Мотив оправдания также не остается в романе без своей противоположности: в тексте функционируют и идеи, призванные продемон-

стрировать высшие гуманистические ценности. Дядя Юрий, практически цитируя Достоевского, ставит под сомнение попытки увидеть в каждом «катаклизме» избранность и божественное участие: «Дело не в том, что мы сделали страну полем битвы Христа с антихристом, а в том, что каждый мнит себя Христовым воином, ищет смерти остальных» [13, с. 570].

Выводы

Таким образом, идейно-тематическая система произведений М. Шишкина и В. Шарова представлена как ризоматическое множество мотивов и образов, организованных по принципу перманентного диалога. Все элементы идейного целого романа «Письмовник», на первый взгляд разрозненные, объединены общим авторским пониманием бессмертия: библейские аллюзии, мотивы трансгрессии, любви, смерти и рождения, воплощенные через образы зимы и холода, вести и вестника, а также Слова разделены по полюсам идейного противостояния между словесным и естественным воскрешением. Если для полифонического романа в понимании Бахтина в контексте художественного целого важен сам факт диалога, то в случае М. Шишкина диалогичная и полифоничная структура становится способом реализации авторского мировоззрения. Наиболее приближенным к бахтинскому пониманию полифонии видится роман «Возвращение в Египет» В. Шарова: в центр концептуального поля произведения становится идейное развитие героев, в связи с чем образы и мотивы текста реализуются в зависимости от точки зрения персонажей. При этом авторское отношение к тем или иным идеям имплицитно отражается через образы карнавала или гротескной гиперболизации, дающей возможность реципиенту через иронию понять авторскую позицию. Соответственно, идейная полифония в современных текстах реализуется через взаимодействие с монологическим авторским взглядом, парадигма разрозненных мотивов и образов смыкается в единой точке.

Литература

1. Бахтин, М. Проблемы поэтики Достоевского / М. Бахтин. – М., 1972.
2. Иванова, О. С. Структура полифонической композиции и ее реализация в художественном тексте / О. С. Иванова // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 36. – С. 108–114.
3. Баль, В. Ю. Идея национального возрождения в романе В. Шарова «Возвращение в Египет» / В. Ю. Баль // Русин. – 2015 – № 3. – С. 41–54.
4. Шишкин, М. Письмовник / М. Шишкин. – М., 2021.
5. Малков, П. Ю. Богородица / П. Ю. Малков, М. С. Иванов, В. Н. Васечко, Н. В. Квлицидзе // Православная энциклопедия. – М., 2002. – С. 286–504.

6. Шишкин, М. Смерть, как жизнь, внесловесна: интервью с писателем / М. Шишкин. – URL: <https://www.timeout.ru/spb/feature/15073> (дата обращения: 01.03.2023).

7. Серов, В. Распалась связь времен / В. Серов. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/16/22.htm> (дата обращения: 04.03.2023).

8. Шашков, Н. И. Постмодернистские концепции истории / Н. И. Шашков, Л. Д. Ерохина // *Философия* : курс лекций. – URL: <https://studfile.net/preview/4179586/page:41/> (дата обращения: 05.03.2023).

9. Макеенко, Е. В. К вопросу о трансформации жанра эпистолярного романа в современной русской литературе (Михаил Шишкин, «Письмовник») / Е. В. Макеенко / *Сибирский филологический журнал*. – 2013. – № 3. – С. 175–179.

10. Быков, Д. Писатель года 2015: Владимир Шаров / Д. Быков. – URL: <https://www.gq.ru/heroes/pisatel-goda-2015-vladimir-sharov> (дата обращения: 04.04.2023).

11. Иванченко, В. Интервью с Владимиром Шаровым / В. Иванченко. – URL: http://www.club366.ru/articles/110850_kv.shtml (дата обращения: 04.04.2023).

12. Федоров, Н. Ф. Философия общего дела / Н. Ф. Федоров. – Верный, 1912.

13. Шаров, В. Возвращение в Египет / В. Шаров. – М., 2020.

14. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М., 1990.

15. Пантюхина, А. И. Мотив мученичества в романе В. Шарова «Воскрешение Лазаря» / А. И. Пантюхина // *Филологический класс*. – 2018. – № 2 (52). – С. 146–162.

16. Дворкин, А. Кто такие мученики за Христа? / А. Дворкин. – URL: <https://foma.ru/radost-vstrechi.html> (дата обращения: 06.04.2023).

Король Нина Борисовна – аспирант, кафедра русской филологии, Гродненский государственный университет им. Я. Купалы (Гродно), e-mail: knb.6444@gmail.com

Поступила в редакцию 27 мая 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230308

POLYPHONY OF IDEOLOGICAL, THEMATIC, AND MOTIF-IMAGE SYSTEM IN MODERN TEXTS: THE NOVELS OF M. SHISHKIN AND V. SHAROV

N. B. Karol

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus

The article provides a detailed analysis of the ideological, thematic, and motif-image system of M. Shishkin's *The Letterbook* and V. Sharov's *Return to Egypt* from the point of view of a polyphonic vision of artistic reality. We consider the conceptual component of both works, means of dialogizing the ideological field of the texts, as well as means of reflecting the authors' point of view in the diegetic space of novels. Based on our analysis of the texts, we conclude that behind the thematic dissimilarity of the analyzed works is the commonality of the ideological structure, characterized by a rhizomatic plurality of images, motifs, and symbols, which in one way or another close at some point. The conceptual space of M. Shishkin's *The Letterbook* is organized through a dialogue between the ideas of natural and verbal resurrection, embodied in polar, explicitly un-related images and motifs. Comparison showed the fundamental importance of the ideological polyphony in V. Sharov's *Return to Egypt*, in which the main intention of the author is to represent characters' points of view. We conclude that at present, ideological polyphony is developing in tandem with monologue vision.

Keywords: polyphony, point of view, postmodernism, ideological structure, motif, image, M. Shishkin, V. Sharov.

References

1. Bakhtin M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. M., 1972.
2. Ivanova O.S. *Struktura polifonicheskoy kompozitsii i ee realizatsiya v khudozhestvennom tekste* [The Structure of a Polyphonic Composition and its Implementation in a Literary Text] // *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2016. № 36. S. 108–114.

3. Bal' V.Y. Ideya natsional'nogo vrozozhdeniya v romane V. Sharova «Vozvrashchenie v Egipet» [The Idea of National Revival V. Sharov's Novel «Return to Egypt»] // *Rusin*. 2015. № 3. S. 41–55.
4. Shishkin M. Pis'movnik [The Letterbook]. M., 2021.
5. Malkov P.Y. Bogoroditsa [Mother of God] // *Pravoslavnaya entsiklopediya*. M., 2002. S. 286–504.
6. Shishkin M. Smert', kak zhizn', vneslovesna: interv'y u s pisatelem [Death, Like Life, is Non-Verbal]. URL: <https://www.timeout.ru/spb/feature/15073> (data obrashcheniya: 01.03.2023).
7. Serov V. Raspalas' svyaz' vremen [Broken Connection of Times]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/16/22.htm> (data obrashcheniya: 04.03.2023).
8. Shashkov N.I. Postmodernistskie kontseptsii istorii [Postmodern Conceptions of History] // *Filosofiya: kurs lektsiy*. URL: <https://studfile.net/preview/4179586/page:41/> (data obrashcheniya: 05.03.2023).
9. Makeenko E.V. K voprosu o transformatsii zhanra epistol'yarnogo romana v sovremennoy russkoy literature (Mikhail Shishkin, «Pis'movnik») [On the Question of the Transformation of the Genre of the Epistolary Novel in Modern Russian Literature (Mikhail Shishkin, «Letterbook»)] // *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 2013. № 3. S. 175–179.
10. Bykov D. Pisatel' goda 2015: Vladimir Sharov [Writer of the Year 2015: Vladimir Sharov]. URL: <https://www.gq.ru/heroes/pisatel-goda-2015-vladimir-sharov> (data obrashcheniya: 04.04.2023).
11. Ivanchenko V. Interv'y u s Vladimirom Sharovym [Interview with Vladimir Sharov]. URL: http://www.club366.ru/articles/110850_kv.shtml (data obrashcheniya: 04.04.2023).
12. Fedorov N.F. Filosofiya obshchego dela [Philosophy of Common Cause]. M., 1912.
13. Sharov V. Vozvrashchenie v Egipet [Return to Egypt]. M., 2020.
14. Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa [The work of Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance]. M., 1990.
15. Pantyukhina A. I. Motiv muchenichestva v romane V. Sharova «Voskreshenie Lazarya» [The Motive of Martyrdom in the Novel by V. Sharov «The Resurrection of Lazarus»] // *Filologicheskiy klass*. 2018. № 2 (52). S. 146–162.
16. Dvorkin A. Kto takie mucheniki za Khrista? [Who are the Martyrs for Christ?]. URL: <https://foma.ru/radost-vstrechi.html> (data obrashcheniya: 06.04.2023).

Nina B. Karol – Post-Graduate Student, Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno), e-mail: knb.6444@gmail.com

Received May 27, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Король, Н. Б. Полифония идейно-тематической и мотивно-образной системы в современных текстах (на материале романов М. Шишкина и В. Шарова) / Н. Б. Король // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 69–76. DOI: 10.14529/ssh230308

FOR CITATION

Karol N. B. Polyphony of Ideological, Thematic and Motif-Image System in Modern Texts: the Novels of M. Shishkin and V. Sharov. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 69–76. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230308